

Д. Шостакович

Фото В. Федосеева

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

ХУДОЖНИК-ГУМАНИСТ

МОЖНО смело назвать Шостаковича одним из самых крупных художников нашего времени. Его произведения звучат сейчас в самых отдаленных уголках земного шара. И популярность эта не из тех, что рождается сенсацией, переходящим капризом моды: музыка Шостаковича будоражит чувство и мысль, она призывает на защиту человеческой жизни и светлого, нравственно-го начала в человеке, с гневом и сарказмом она бичует насилие и зло. В ней запечатлены и чистые, радостные образы юности, свободного труда, и жестокие, кровью написанные картины второй мировой войны, напоминающие об угрозе новой войны... Вот потому-то для прогрессивного человечества искусство Шостаковича стало таким дорогим: оно сделалось символом великих и гуманных идей, за которые борются народы.

Шостакович обладает необычайно обостренным чувством действительности,

Так возникают гигантские трагические полотна Седьмой и Восьмой симфоний. Так возникают недобрые, иногда пугающе-гротескные скерцо некоторых его симфоний или, например, финал фортепианного Трио — зловещий, бездушно-механический образ смерти. А тема его Пятой и Десятой симфоний — это становление личности, пути и раздумья нового, современного человека. Шостакович тяготеет к большим философским обобщениям, в постановке острых социальных и морально-этических проблем. И подобно Мусоргскому или Рембрандту в живописи, он достигает захватывающей глубины и правды в раскрытии человеческой души.

Искусство этого композитора многолико и многообразно. Есть Шостакович — автор грандиозных симфоний, и Шостакович — автор совсем простых, «доходчивых» и броских массовых песен, типа широко известной «О встречном» или «Фонариков». Есть Шостакович — создатель глубоко интеллектуальных, интим-

нейших камерно-инструментальных произведений, и Шостакович — создатель яркой музыки к кинофильмам: воспоминанием «Встречу на Эльбе», «Падение Берлина», трилогию о Максиме, «Пирогова». Иногда новое сочинение этого композитора дает такой неожиданный поворот, неожиданный художественный ракурс, что озадачивает любителей какой-то особой стороны его таланта. А нет ли здесь творческой непоследовательности, своего рода разбросанности? Да нет, конечно! Как художник, погруженный в гущу общественной жизни, он честно и горячо откликается на самые различные творческие «заказы», отзывается на все то, чем живет сегодня наша страна.

Произведения Шостаковича так различны — даже по уровню своей музыкальной «сложности», — потому что различны поставленные в них задачи. И многообразие его исканий обусловлено именно чутким ощущением действительности, искренним стремлением отозваться на многие и разные явления жизни.

Но во всем, что написано Шостаковичем, легко, буквально с первых тактов музыки, угадывается «свой», неповторимый, характерный почерк. Кто не знает остро выразительной, напряженной, порою даже угловатой мелодии Шостаковича, своеобразнейшей оркестровки, с ее полифонической четкостью и обнаженностью линий, раздумчивых, декламационных, будто «говорящих» инструментальных соло-монологов? И лирика у него совсем особенная — сдержанная, немного скрытная, но полная благородства, целомудренности, этической красоты.

Вот композитор, который может служить примером редкой самозаскательности, неустанного творческого горения! Простой подсчет количества сочинений уже говорит о гигантском труде: однанадцать симфоний, шесть струнных квартетов, ряд концертов, кантат, опер, балетов, сонат, песен, хоров, романсов, различных камерных ансамблей; музыка множеству кинофильмов... Эволюция, по-

иски нового в его творчестве не прекращаются ни на миг.

Последнее десятилетие было исключительно продуктивным, насыщенным.

Если Шестой квартет знаменовал собой углубление лирического начала в творчестве Шостаковича, а цикл «Из еврейской народной поэзии» — замечательное освоение и развитие реалистических принципов Мусоргского, то Одиннадцатая симфония — это новое, чрезвычайно знаменательное достижение Шостаковича-симфониста. Десятая симфония отмечена густым психологизмом, она вся — как бы обращена «вовнутрь», в область душевных переживаний и размышлений человека, и в ней, если угодно, преобладает субъективное начало. Одиннадцатая же эпична по масштабу своего содержания, по мощи и значительности своих образов.

Одиннадцатая словно объединяет в себе две линии творчества Шостаковича, до сих пор развивавшиеся более или менее обособленно: линию, воплощаемую его симфониями и камерно-инструментальными сочинениями, и линию, представленную его песнями, хорами на тексты революционных поэтов, музыкой к историко-революционным кинофильмам. В Одиннадцатую симфонию мощным потоком хлынули интонации и ритмы русских рабочих революционных песен. Она программна, и в ней, пожалуй, впервые в своем симфонизме, Шостакович показывает себя великолепным мастером музыкальной живописи, выпуклой и почти зримо-наглядной, «пространственной» лепки звукового образа. Не потому ли она и поразила многих непривычной для Шостаковича лапидарностью и простотой (в высоком смысле этого слова) своего языка?

Народные революционные песни ожидают в симфонии Шостаковича и как исторически достоверные образы, овеянные поэзией и романтикой подвига, и как музыкальный материал, подвергающийся свободному развитию и творческому переосмыслению. При этом стиль

произведения отличается удивительной цельностью, — вся симфония будто высечена из одной глыбы, возникает в едином эмоциональном порыве.

...С первых звуков симфонии слушателя охватывает атмосфера ледящего оцепенения, тревожного ожидания надвигающихся событий. В морозной, сумеречной мгле застыла Дворцовая площадь; переключки часовых, отдаленные сигнальные фанфары труб и рокот барабанов. Приглушенно и покорно звучат интонации молитвенного церковного песнопения. Это — символ всей царской России, окованной гнетом, придавленной казармой и церковью. В тюрьмах, в застенках томятся лучшие люди — те, которые хотят принести Родине свободу. Но сквозь каменное безмолвие пробивается мотив песни «Слушай!» — любимой песни политических заключенных. И снова тишина, мерные шаги часовых.

Вторая часть — следующий этап трагедии. С наивной верой и надеждой пришел народ просить у царя защиты. Мольбой, жалобой полны интонации скорбной мелодии — причитания. Эту мелодию композитор перенес в симфонию из своей хоровой поэмы «9 января» (где она сопровождалась словами: «Гой ты, царь наш, батюшка! Оглянись вокруг. Нет житья, нет моченьки нам от царских слуг...»). Молящие интонации постепенно становятся настойчивыми, гневными, требовательными. Рокочащая кульминация повествования — эпизод расстрела безоружной народной толпы. Здесь музыка, кажется, достигает пределов драматической экспрессии, и вместе с тем — образной конкретности. Ружейные залпы, крики и стоны умирающих... Третья часть (все они следуют друг за другом без перерыва) — это реквием жертвам «кровавого воскресенья», траурное шествие. Глубочайшей скорбью дышит напев знаменитой песни «Вы жертвою пали», развиваемый Шостаковичем до огромного эмоционального нарастания. Но из скорби рождаются воля к действию, ненависть, боевой порыв. И четвертая — последняя —

часть симфонии рисует могучую волну революционного гнева.

«Набат» — так озаглавил ее автор. В самом деле, она звучит голосом грозного набата, революционной бури. Ее открывает мотив боевой рабочей песни «Беснуйтесь, тираны!», мужественной, призывной, полной внутреннего заряда энергии. Потом в музыкальную ткань финала вкрапливаются интонации и других боевых песен — «Смело, товарищи, в ногу», пламенной «Варшавянки». Звучат здесь и реминисценции зловещих тем вступления к первой части, и драматическая, взволнованная мелодия «Гой ты, царь наш, батюшка», напоминающая о событиях 9 января, и суровый возглас «Обнажите головы!», также привнесенный композитором из его хорового цикла. Но общий идейный вывод финала — несокрушимость народного духа, предсказание новой, грядущей революционной бури. Поэтому трагизм Одиннадцатой симфонии — оптимистичен. Она воспекает исторический подвиг русского пролетариата.

Что нового подарит в ближайшее время Шостакович советскому искусству? Сейчас он написал музыкальную комедию из жизни молодых строителей. Можно не сомневаться, что он вынашивает и другие интересные замыслы. Этому порукой его гигантское дарование и неутомимая творческая активность. В одной из своих газетных статей он хорошо сформулировал задачи и обязанности советского художника-гражданина: «Великое благо советского художника в том, что творчество для него неотделимо от общих больших целей человеческой культуры, что он чувствует себя кровно связанным с жизнью и судьбами своего народа и только большой мерой общенародных интересов повергает свои творческие шаги». Замечательные, драгоценные слова!

М. САБИНИНА